

Н.В. Брюханцева

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ КОРНИ ФАНТАЗИИ

Томский государственный педагогический университет

Одна из особенностей современного философского и научного познания состоит в усилении интереса к основаниям и предпосылкам знания. Особое внимание вызывают те компоненты, которые не являются рассмотренными на уровне конкретного знания, существуют как предполагаемые, едва угадываемые. Достаточно широкое распространение получила концепция неявного знания М. Полани. Определяющим в его подходе является понимание знания как индивидуального опыта конкретной личности, её особенностями и возможностями. Фантазия вполне вписывается в «личностный коэффициент», предложенный учёным и может выполнять разную по значимости роль в становлении и развитии познания.

По утверждению П. Фейерабенда, появились учёные, которые наделены богатым воображением, активно пользуются возможностями собственной фантазии и влияют на формирование нового мировоззрения, что ведёт к лучшему пониманию природы и более глубокому проникновению в причины индивидуальных и социальных процессов. Наука сегодня уже внесла громадный вклад в понимание мира и послужила основой для многих практических достижений, но, к сожалению, на сегодняшний день господство науки во многом обусловлено не определяющими современными достоинствами, а «благодаря организованному для неё пропагандистским и рекламным акциям» [1, с. 513].

Наши исследования направлены непосредственно на выяснение сущности роли, места, значения и возможностей фантазии, которая возникает и существует в сознании человека так же длительно, как миф, но невозможно установить, что является первопричиной – миф для фантазии или фантазия для мифа является основой, началом, толчком для развития. В любом случае, мы обращаем внимание на тот факт, что на сегодняшний день исследования в области знаний о мифе глубоки и разнообразны, миф занимает достойное место в структуре человеческого познания. Фантазия также существенна в процессе человеческого познания, имеет много общего с мифом и мифологией, но оценивается значительно ниже, исследована достаточно эпизодически.

Фантазия всегда наполнена прежде всего эмоциями, точно так же как и миф; они отличаются друг от друга только тем, что фантазия может присутство-

вать в любом виде творчества – научном, художественном, педагогическом, мифологическом и т. д., а миф, вкрапливается и существует в этих же видах творчества только на основании того, что мифологическое мировоззрение существует в современном мировоззрении как прамировоззрение. По утверждению А.Ф. Лосева, миф «синтетически жизнен и состоит из живых личностей, судьба которых освещена эмоционально и интимно ощутительно ... миф всегда чрезвычайно практичен, насыщен, всегда эмоционален, эффективен...» [7, с. 28-29]. Миф не осознаётся современным человеком как идеальное понятие, миф предстаёт частью жизни и существует на уровне бессознательного. Это можно подтвердить мнением, утверждающим, что «всякая неодушевлённая вещь или явление, если их брать как предметы не абстрактно-изолированные, но как предметы живого человеческого опыта, обязательно суть мифы» [1, с. 78]. Для того чтобы появилась и заработала фантазия, необходим со стороны человека сознательный шаг – ему надо захотеть что-либо изменить, найти верный ход в подобном улучшении или изменении действительности, должны появиться варианты в достижении результата, их необходимо сравнить и выбрать наиболее подходящий. Несмотря на близость мифа и фантазии, существуют они как достаточно разные явления.

В античной мифологии присутствует образ ФАНТАЗА – сына бога сна Гипноса и брат Морфея, бога сновидений, и Икела, божества, посылающего людям сновидения. ФАНТАЗ является спящим людям в виде предметов и вещей окружающего их мира – воды, деревьев, животных, людей, камней, различных объектов. Корень слова и суть понятия указывает на связанность явлений мифа и фантазии, их взаимозависимость и взаимовлияние. В мифологии всегда присутствует некая необычность, новизна и небывалость, отрешенность и непохожесть на реальную обстановку жизни человека. Миф всегда содержит в себе момент сверхчувственный, который представляется как нечто странное и не похожее ни на что. Но, тем не менее, миф «не есть метафизическое построение, но есть реально, вещественно и чувственно творимая действительность, являющаяся в то же время отрешенной от обычного хода явлений и, стало быть, содержащая в себе разную степень иерархичности, разную степень отрешенности» [7, с. 44].

Элементы мифологизированной истории, содержащейся в эпосе, часто имели реальную почву. Не случайно Г. Шлиману и другим учёным удалось обнаружить те места, о которых поведал древний миф. В определенной степени это определение может стать сущностной характеристикой мифа. Для точности и определенности в суждениях необходимо определиться, что такое фантазия. Под фантазией традиционно понимают прежде всего способность создавать неожиданные и новые мыслительные и чувственные образы. Но в подобной характеристике не учитывается специфика фантазии как индивидуальная и творческая характеристика, включающая в себя другие компоненты – восприятие, мышление, психику. В силу данных причин, мы предлагаем следующую формулировку: фантазия – это индивидуальная способность человеческого мышления и психики, которая проявляется в деятельности личности как уникальный вариант проявления способностей субъекта по созданию новых вариантов деятельности и создания образов, ломающих привычные представления и мировоззрение. Какие существуют и какие возможны отношения между мифом и фантазией? А.Ф. Лосев настаивает на том, что мифическую действительность необходимо воспринимать только как подлинную действительность, а не как метафорическую и иносказательную, причём эта действительность всегда совершенно самостоятельна, и принимать её надо совершенно буквально. Нарцисс – это подлинный, реальный юноша, красивый и любимый нимфами. Учёный настаивает на реальности мифического образа. Что здесь может быть условно и дофантазировано к реальной жизни? Возможно стремление к неотразимой красоте, по причине существования которой можно умереть; вероятно стремление к самодостаточности и полной независимости, которая губительна для человека – в результате мы получаем неожиданный вариант уничтожающей любви к самому себе. Это выглядит одновременно мифически, трагически, фантастически и комически. В реальной жизни подобная ситуация возможна, если учесть некоторую долю гиперболизации для получения более сильного воспитательного эффекта, важно то, что это действительно воспринимается как реально существующее.

Имена Лады и Лели, славянских божеств, связанных с плодородием, браком встречаются в различных письменных памятниках старины и широко известны в славянском фольклоре. А.С. Фаминицин считал Ладу богиней брака и веселья, обязательной участницей весенних и свадебных обрядов, Е.В. Аничков отрицал существование данных богинь, по мнению Н. М. Гальковского, Лада и Лель возникли случайно: «Лада лель-люли – это припевы песен... припев в форме ой. лель-люли мог воз-

никнуть вследствие искажения богослужебного алимудей» [2, с. 51]. Исследования разных авторов показывают, что имена Лады и Лели не могут быть делом случая, поскольку встречаются часто в документальных материалах славян, прибалтийцев, имеют красочно-фантазийные образы, причём, несмотря на человеческие характеристики, усиливаются и прибавляются те стороны, которые делают божество более совершенным и всемогущим, чем сам человек. Древняя личность создаёт всемогущего, потому, что не удовлетворена собственными ограниченными возможностями и пытается расширить их с помощью молитв и поклонения более совершенному существу, но сама ситуация создания и существования совершенства приближены к реальной жизни. В прошлом веке этнографы зафиксировали у белорусов и украинцев праздник под названием Ляльник, который проводился весной. В этот праздник девушки выбирали из своего круга самую красивую на роль Ляли, они не просто поклонялись ей в обрядах, но и просили её, как божество, сделать их такими же красивыми, стройными, счастливыми, совершенными, как она сама. Подобные мифологические фантазии помогали приблизить желаемое к действительности, сделать мечту и надежды явью, давали возможность совершенствовать себя постоянно. С течением времени видоизменяется и само божество. Изначально в славянской мифологии Лада и Леля выступали как богини плодородия, вегетативных сил, причём они находились в мифологических родственных связях: Леля – дочь Лады. На более позднем этапе развития мифологических представлений Лада и Леля выступают как богини – покровительницы плодородия, становятся обязательными персонажами любовно-свадебных обрядов. Желания человека в стремлении усовершенствовать собственную жизнь и индивидуальные возможности заставляют активно работать его фантазию и он снова и снова создаёт новые образы в расширяющихся сферах собственной деятельности. Реальность создаваемых образов зиждется на тонких и изящных дополнениях фантазии: Леля может превратиться в Лель – сына Лады, т. е. образ встречается как божество мужского рода и характеризуется как «божок пламенный, рассыпающий или мечущий из руки искры. Сила его состояла в воспламенении любви. Он есть сын красоты Лады. Изображается он в виде златовласого, как и мать его, пламенного, крылатого младенца...» [2, с. 112].

Фантастические превращения помогают расширять возможности и воздействие божества, делают его таинственным и совершенным. Миф создаётся благодаря и на основании фантазии, а фантазия развивается и меняется уже на материале самого мифа, в процессе его существования, благодаря изменени-

ям в жизни людей, ввиду развития их мировоззрения, изменения и совершенствования ценностных ориентаций. Они изначально существуют рядом друг с другом, влияя одновременно на развитие самих себя, и уже не могут существовать отдельно. Миф не только связан с верованиями, но, будучи основой общественного сознания, на определённой стадии развития общества, он пытается объяснить всё существующее для того, чтобы понять. Фантазия, благодаря своим возможностям, изменяет то, что не устраивает человека по каким-либо причинам. Существуют мифы, связанные с различными сторонами и периодами жизни человека. Это совершенно неслучайно, поскольку посредством фантазии реализуются различные потребности. Фантазия в мифе выступает как творческая сила, направленная на осмысление и познание действительности. «Инстинктом культуры» определяет Я.Э. Голосовкер сам процесс фантазирования, изначально присущий только человеку. Фантазия помогает мифу проникнуть в многосмысленность окружающего мира. Миф часто повествует о том, что наверняка человеку знать невозможно, поэтому, додумывая известное, человек фантазирует, и в фантазиях присутствует не только видение объективного мира, но и человеческие желания и логика мироздания. В любом созданном с помощью фантазии образе присутствуют конкретные знания, наблюдения, желания человека. Достаточно реален миф об основании Киева – «матери городов русских», он содержится в «Повести временных лет». Миф повествует о том, что поляне жили отдельно и управлялись своими родами, и было три брата: один по имени Кий, другой Щек, третий – Хорив, и сестра Лыбедь. Построили они городок во имя старшего своего брата и назвали его Киев. Обыденная история не удовлетворяет современников и свидетелей рождения города, поэтому появляются дополнения и разнообразные фантазии, усложняющие сюжет. Существует миф о том, что Кий был перевозчиком, и когда облюбовал место, то срубил небольшой город, назвал его Киевец и хотел обосноваться в нём со своим родом, но не дали ему это сделать живущие рядом люди. Поэтому умер Кий и братья его, и сестра тоже скончалась. Мифологические представления, наполненные человеческими фантазиями, вызывают и воспитывают различные чувства и эмоции, управляют настроением и даже воспитывают характер. Наши предки отличались глубоко поэтическим отношением к окружающему миру, к природе, солнцу, луне, рекам и рощам, растениям и животным. Вся природа была одухотворена и населена добрыми и злыми духами, и человек должен был не просто жить, но и, надеясь на всевышние силы, выбирать и идти своим человеческим путём. Он должен был становиться похожим на высшие силы умом, сноровкой, силой, добротой

и справедливостью. В каждом доме был не только домовый – хозяин дома, но и человек; в лесу повелевал леший, но и человек был туда вхож, реками и озёрами ведал водяной, в других местах можно было встретить кикимору, полевого, банника, т. е. мифологические образы были везде, где был сам человек. Весь быт благодаря этому был опозгизирован и осмыслен. Мифологическое значение имела изба и любое украшение в ней: конёк на крыше, красный угол в избе, рисунки на полотенцах и рубахах, обрядовые кушанья и многое другое, но это происходило потому, что абсолютно всё украшалось фантазией человека в стремлении к красоте и совершенству.

Трудно согласиться с мнением А.Ф. Лосева, что миф нельзя считать поэтическим произведением. Мифология даёт возможность сравнивать её с поэзией, потому что она создала массу действительно поэтических образов с помощью фантазии, основываясь на реальной действительности. На наш взгляд, миф совмещает в себе черты поэзии, реально-вещественной действительности и фантазии. Миф создаётся человеком благодаря развивающейся фантазии, а фантазия появляется благодаря, вполне возможно, неосознанному желанию человека изменять то, что не устраивает его в реальной жизни. Фантазия носит поэтический характер, так как каждый образ одухотворён, включает в себя комплекс самых разнообразных реальных мыслей, чувств, настроений и волевых актов, напоминает человека в обыденной жизни, даже если фантазия использована широко. На наш взгляд, данный тезис легко можно доказать, обращаясь к личностной форме сознания, восприятия и осознания мифа. Миф часто воспринимается как нечто не существующее, но по сути, это не является таковым, потому что миф – особая форма осознания действительности. Он был краеугольным камнем греческой цивилизации, именно он лежал в основе и определял развитие искусств, становление мировоззрения. Мифы были мостиком, соединяющим древних греков с более древней культурой предков, всегда соединяли в себе продукты народного творчества и фантазию; человек, живущий в мире мифов, не чувствовал себя отчуждённым от природы, потому что они создавали целостный образ мира, в котором всё имело своё значение, место, объяснение. Мифы определяли образ жизни и поведение человека. Древние греки делают попытку в своих философских системах переосмыслить мифы рационально, аллегорически истолковать их суть. Современная интерпретация мифа раскрывает психологию, расширяет сферу антропологических знаний в глубь времён и человеческой души. Она утверждает, что человеку присуще не только любопытство ко всему непонятному и древнему, дорациональному и мифическому, но и способность по крупни-

цам собирать факты и понимать реальность именно такой, какая она есть, причём с помощью фантазии, всегда являющейся спутницей смелого и пытливого исследования о существующем. Для характеристики роли фантазии в этом сложном деле постижения действительности необходимо отметить такое её качество, как способность к обобщению и возможность в целом увидеть то, что реально может существовать совершенно в другом виде и варианте. Это предполагает определённую смелость, образованность для конкретного времени и периода развития общества.

Считаем необходимым отметить тезис П. Фейерабэнда о том, что сама наука «гораздо ближе к мифу, чем готова допустить философия науки» [1, с. 450]. Мифы намного лучше, чем думали о них рационалисты. По точному замечанию К. Леви-Строса «мифологическое мышление не является лишь узником фактов и опыта, которое оно снова и снова неутомимо по-новому располагает, чтобы извлечь какой-то смысл; оно носит и освободительный характер благодаря его протесту против абсурда, с которым наука прежде безропотно шла на сделку» [4, с. 131].

В чём заключается «освободительный» характер мифологического мышления? Согласно мифологии, Минерва – богиня фантазии. «любимица Зевсова» необыкновенно разнолика потому, что родилась необычно – из головы своего отца Зевса. Она почиталась как покровительница ремесел и искусств, Минерве наряду с Юпитером и Юноной был посвящен древний храм на Капитолийском холме. С III в. до н. э. Минерва была отождествлена римлянами с греческой Афиной и почиталась уже как богиня войны и мудрости. Мудрость и война – это эклектичное соседство не так случайно, как на первый взгляд кажется: вот в чём проявляется «освободительный» характер мышления – человек вынужден сражаться с самим собой только для того, чтобы становиться мудрым. Мы должны примириться с тем, что в современном человеке – его характере, поступках, желаниях – многое приходит из глубокой древности, эту же мысль подтверждает И. Кант: «Резкими мыслями, сильными чувствами и живыми восторгами мы обязаны... какой-то тайной силе, действующей в нас неожиданно. По словам древних, возвышенные понятия ума нашего рождаются подобно Минерве, вышедшей вооружённой из головы Зевса. Вооружённость фантазии в силе созданных образов, неповторимости и необычности вариантов, желаний изменений и смелости выражений. Человек создаёт образы, идеалы, тем самым создаёт себя и то общество, в котором живёт. Человек творит не просто из своего мышления, сознания, а при помощи их, из предметов той действительности, в которой существует. Именно поэтому

можно подтвердить правильность мысли о том, что действительная основа мышления – изменение природы человеком, а не природа как таковая». Философ обращает внимание на то, что фантазия обязательно ищет истину «при изображении предмета», предостерегает, что «освободить воображение (фантазию) от... принуждения и дать особому таланту действовать и увлекаться без всяких правил, даже вопреки природе, – это приведёт к оригинальному безумию» [8, с. 467]. Нельзя забывать о том, что многое по отношению к самому себе и обществу человек делает сегодня. Рациональное и иррациональное присутствует в каждом человеке, но в разных количествах – это зависит от особенностей самого человека и от того, что культивируется и развивается более интенсивно. В связи с этим необходимо отметить, что каждый человек должен развивать собственную фантазию, в противном случае он не сможет создать чего-либо своего, принадлежащего только его возможностям творчества, это влечёт за собой серьёзные изменения психологического и морального уровня.

«Далёкие от жизни, как мы часто думаем, результаты «действия фантазий» – мифы и ритуалы, повернутые спиной к реальности, основной своей ценностью имеют сохранение вплоть до наших дней в остаточной форме способов наблюдения и рефлексии, которые были (и, несомненно, остаются) санкционированными природой, начиная с умозрительной организации, умозрительного использования чувственных данных о мире в осязаемых терминах. Эта наука конкретного, по существу, должна была сводиться к иным результатам, чем те, которых добиваются точные и естественные науки, но она была не менее научной, и её результаты не менее реальными. Удостоверенные за десять тысяч лет до других, они по-прежнему составляют субстрат нашей цивилизации» [4, с. 126]. Подобное высказывание Леви-Строса подтверждает наш тезис о генетических корнях фантазии, которые мы находим, безусловно, в мифе. Подобный вывод обусловлен многими параметрами связи мифа и фантазии, их неразделимости и постоянного контакта, взаимовлияния и взаиморазвития. Миф создаётся благодаря фантазии, а фантазия развивается, существует и видоизменяется благодаря мифу. Процесс бесконечный, сложно предсказуемый и напоминает нечто, творящее самого себя. Невозможно утверждать, что в мифах материал подаётся именно так, как все события происходили в действительности, например, никто не может поручиться, что Троянская война действительно длилась десять лет и события происходили именно так, как описывает Гомер и другие поэты VIII – VI вв. до н. э., отделёнными от событий микенского времени пятью-шестью веками. Многое в процессе создания

мифа принадлежит народной фантазии и подчиняется законам творчества. Вполне возможно, что толчком к созданию мифа мог послужить какой-то конкретный локальный эпизод из истории, на него наслоились другие воспоминания плюс определённая доля фантазии – и получается удивительный миф, похожий на правду. Самые разнообразные мифологические теории обращают внимание на необыкновенные оживляющие силы мифа.

В. Вундт, один из первых обративших внимание на эту завораживающую способность мифа, предлагает теорию мифологической апперцепции, которая соединяется с его теорией фантазии. В работе «Фантазия как основа искусства» он объясняет поэтический образ из мифологического мышления таким образом: «... миф принимает за действительность то, что в поэзии признаётся лишь за простую игру воображения, а действительность везде и всюду предшествует игре с её характером подражания» [5, с. 2]. Фантазия в мифе, по представлению Вундта, не отличается от фантазии вообще, но особенностью есть – усиленное «проецирование чувств, аффектов и волевых стремлений в объекты», именно поэтому эти объекты начинают казаться оживлёнными существами. Мифологические образы становятся «повышенной степенью всех тех процессов, которые при описании эстетического действия обыкновенно называются чувствованием» [5, с. 44]. Эстетическое «чувствование» и мифологическое оживление В. Вундт рассматривает как «модификации более общей функции постижения объекта», которую он называет апперцепцией. Философ убеждён, что оживляющая – мифологическая апперцепция не является специфической, а представляет «форму апперцепции вообще» [5, с. 45], но оживляющая апперцепция имеет место только тогда, когда в наличии сильные аффекты: «мифологический предмет становится личным существом, не просто отражающим мгновенную или периодически повторяющуюся при одном и том же впечатлении эмоцию, но соединяющим в себе ряд постоянных свойств, подобных тем, которые находит у себя или у себе подобных апперцепирующий субъект» [5, с. 45].

Свойства и особенности мифа не исчезают с господствующим влиянием мифологического мышления, а точнее, с утратой его определяющего

влияния; в ослабленном варианте оно будет жить всегда, важно другое – закономерности становления и развития мифа, искусств вообще тесно связаны с развитием человеческого духа, психологией человека, его последующим развитием. Любой мифологический образ, фантастически представленный и преломленный в народном воображении, продолжает своё существование в постоянных изменениях и преобразованиях большей или меньшей степени. Следовательно, фантазия изначально является частью сознания, присутствует в психике человека с периода мифологического мышления. К. Г. Юнг утверждал, что «примитивный человек не может утверждать, что он думает, но «в нём думается». Спонтанность мысленного акта каузально зависит не от его сознания, но от его бессознательного. Проявление бессознательного с его архетипами отовсюду прорывается в его сознание, и мифический мир предков... оказывается сферой существования, равной материальной природе, если не превосходящей её... мифы изначально суть выявления досознательной души, непровольное высказывание о бессознательных душевных событиях... Психология трактует продукты бессознательного творчества фантазии как самоизображение процессов в бессознательном... построения фантазии вне всякого сомнения имеют свои ближайшие аналоги в мифологических типах. Поэтому приходится предположить, что они отвечают известным коллективным (и внеличным) структурным элементам человеческой души вообще и передаются по наследству, подобно морфологическим элементам человеческого тела» [9, с. 121]. Мы считаем необходимым обратить внимание на следующий факт: современный человек может пользоваться возможностями собственной фантазии и на сознательном уровне, но бессознательное также играет значительную роль в жизни человека XX – рубежа XXI в. Но для запуска процесса фантазирования должны быть использованы воля, желание, способности самого человека. Современная личность должна использовать свой творческий потенциал, опираясь на современные знания, должна продвигаться вперёд, несмотря на достигнутое. В противном случае человек остановится в своём развитии.

Литература

1. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. 542 с.
2. Мифологические, исторические и литературные сюжеты в произведениях западноевропейской живописи и скульптуры. М.: Изобразительное искусство, 1994. 208 с.
3. Шестов Л.И. Соч. в 2 т. Томск: Водолей, 1996. Т.1 – 512 с., Т.2. – 448 с.
4. Леви-Строс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. 384 с.
5. Вундт В. Миф и религия. СПб., 1913.
6. Еремина В.И. Миф и народная песня // Миф – Фольклор – Литература. Л.: Наука, 1978. 3-16 с.
7. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политическая литература, 1991. 525 с.
8. Кант И. Соч. в 6 т. М., 1956.
9. Юнг К.Т. Психология и поэтическое творчество // Самосознание европейской культуры XX в. М., 1991. 366 с.